

// Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность. Материалы российской научной конференции с международным участием, 16-19 марта 2016 г. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2016. – С. 375-379.

Этнокультурные связи древних булгарских племён, их участие в этногенезе дунайских болгар, чувашей и казанских татар, пути расселения и многие другие вопросы остаются дискуссионными в современной науке. При этом активно обсуждается иранское влияние на булгар, возможный иранский, в частности сармато-аланский, субстрат у них, полиэтничность или же вообще их принадлежность к ираноязычным, а не тюркоязычным этносам.

Осетинский нартовский эпос, формирование которого восходит ко временам сарматов и алан, поможет если не пролить свет на эти проблемы, то, во всяком случае, добавить аргументации и дать новую пищу для размышлений. Уже указывалось, что древнебулгарскому антропону Органа (в греческой передаче Ὀργανός) в осетинском эпосе соответствует имя обладающего большим войском врага нартов Арган-Аурген (Argan-Aurgen) или Агез-Биаурген (Agez-Biaurgen) [7, с. 105; 5, с. 188-189], а антропону Умар (староболгарское Оумарь, греческое Οὔμαρος) – Умар, Уомар в нартовском именовании. В одном сказании так величают великана, с которым враждуют нарты. Но есть и сказание, в котором Умар считается нартом, представителем их жреческого рода Алагата [5, с. 192].

Предполагается, что этноним булгарского племени оногуров отразился в имени недруга нартов Уангура (Wængwyr), многочисленное войско которого нападает на нартовскую страну и окружает их крепости [7, с. 104; 5, с. 66, 137, 187]. Однако гораздо больший интерес представляет тот факт, что самому этнониму булгар в нартовских сказаниях тоже нашлось место. В осетинском эпосе встречается мужское имя Болгар (Bolgar) – так звали сына Бурафарныга в одном малоизвестном сказании, которое исследователи считают проявлением булгаро-аланских контактов [5, с. 190, 192]. Записано оно в Южной Осетии. Упомянутый в нём Бурафарныг (Būræfærnyg) – глава нартовского рода Бората и самый известный его представитель, он живёт отдельно от нартов, в крепости Гори [5, с. 77, 79, 99]:

«На славу уродился сын Бурафарныга, имя ему – Болгар. Когда хорошенько подрос Болгар, то спросил Бурафарныга:

– Где жил ты, отец мой, доселе?

Тот ответил ему:

– В самом центре селения нартов жил я, и лучшие из нартов выслали меня из селения нартов.

Сказали мне: «Чёрный человек ты, и не справляешься с нами».

Болгар сказал:

– В таком случае, дай мне знать, кто эти люди, и я спрошу их, почему они тебя выслали сюда.

Бурафарныг ему сказал:

– Не ходи туда, они недобрые люди, ничего им не сделаешь – ни словом, ни силой.

Болгар не послушался отца и пришел в селение нартов. Болгар подумал и сказал: «Хм, спрошу Сырдона, вдруг он мне что посоветует».

Сырдон ему сказал:

– Один ничего не сможешь, но хотел бы я, чтобы ты отомстил селению нартов. Иди и найди себе троих товарищей.

Болгар пошел и привёл троих товарищей – тоже хороши.

Сказал Сырдону:

– Нашёл товарищей хороших, как и я.

Сырдон ему сказал:

– В пятницу селение нартов устраивает большой пир, и ты угони их табун – и скот, и лошадей. Когда селение нартов усядется за пиршественный стол, я буду играть им на фандыре, да так, что лучше и не пожелаешь, и задержу их. У Созырыко есть яростный жеребец, и он стережёт табун. Берегись его, в противном случае он тебя сожрёт.

Болгар ему сказал:

– С этим конем я справлюсь.

У Сайнаг-алдара был отличный жеребец. Болгар поднялся и сказал Сайнаг-алдару:

– Отдай мне своего жеребца.

Сайнаг-алдар был крёстным братом Болгара и отдал ему своего коня. Болгар купил клей, растворил его, и намазал им коня Сайнаг-алдара, а потом заставил его вывалиться в песке, а сам отправился и ночью привязал коня Сайнаг-алдара к большому стогу сена в поле.

А рядом выкопал себе большую яму. С первыми лучами солнца конь Созырыко увидел коня Сайнаг-алдара, то устремился к нему. Столкнулись, стали рвать друг друга два коня. Конь Сайнаг-алдара рвал мясо коня Созырыко, а конь Созырыко откусывал куски песка с его боков. Конь Созырыко устал и прилёг. А Болгар поглядывает из ямы.

Болгар ему говорит:

– Беги, вот я – сажу на тебе верхом!

Конь Созырыко сказал:

– Бог создал меня для тебя и больше не давай этому псу есть меня.

Тот ему из ямы говорит:

– Не верю тебе, обманешь меня и скушаешь.

Конь Созырыко ему сказал:

– Нет, не обману тебя, но больше не давай этому псу есть меня.

Когда поверил ему Болгар, тогда вылез из ямы и надел на него уздцы. Сам сел на коня Созырыко и совершили круг по краю неба. Болгар превратил себя в гвоздь и спрятался между седлом и подушкой.

Тогда конь сказал:

– Порождение собаки, ветер ещё не смахнул тебя?

Конь носился по воздуху туда-сюда, затем, убедившись в своей бессилии, сказал Болгару:

– С этого дня буду твоим, только не мучай меня.

Коня Созырыко звали маленький Дзындзалас. Болгар со своими товарищами отправился к табунам нартов. Пастухов и скотников истребил, а сам сказал своим товарищам:

– Идите и скажите селению нартов: «Ваш табун угоняют, селение нартов!»

Они спустились и сказали:

– Ваш табун угоняют, селение нартов, в погоню!

Молодёжь нартов сказала:

– Кто эти люди, накормите их и отправьте, нашему табуну ничего не грозит.

Сырдон понял и заиграл на фандыре. Люди все его заслушались. Сырдон им сказал:

– Вы и меня слушайте, и за тем, что происходит снаружи, следите.

Товарищи Болгара поднялись и сказали ему:

– Не придали нам значения, не поверили в угон своего табуна.

Болгар отрезал уши скотникам и пастухам, сам спустился в селение Нартов и крикнул:

– Ваш табун угоняют, селение нартов! Если не верите, то вот вам уши табунщиков.

А сам возвращается. Когда добрался до околицы, вышла к нему одна вдова и сказала:

– Из пяти сыновей только один у меня остался – остальные погибли, возглавляя погоню. Этот один да будет тебе гостем. Я – твоя мать, ты – мой сын. Он будет гнать тебя впереди погони, но ты не убивай его.

Впереди погони нагнал Болгара тот парень. Болгар ухватил его за предплечья и всадил его в землю, не убил его. Спрятал табун за своими товарищами, а сам начал истреблять молодёжь нартов, их кровь лилась лавиной и уносила живых.

Старик и старуха сзади кричали молодёжи:

– Вы уже ничего не сможете, возвращайтесь обратно.

Кто ещё мог ходить, пришли к Сырдону и сказали ему:

– Лживый осёл, ты знал о табуне, почему нам не дал понять?!

Сырдон им ответил:

– Я вам говорил: «Вы и меня слушайте, и за тем, что происходит снаружи, следите», – но вы не придали значения моим словам.

Вот так Болгар отомстил за Бурафарныга» [10, с. 486-488 (перевод с осетинского языка Инала Плиева)].

Осетинское сказание носит авантюрный характер. В нём, как всегда, важную роль играет нартовский искуситель и смутьян, трикстер Сырдон, который выступает советчиком и пособником главного героя. Он никогда не упускает возможности отомстить заносчивым нартам, непременно выходя сухим из воды. Архаичной чертой является то, что для мести используется игра на изобретённом им струнном инструменте фандыре, который, возможно, и задумывался как орудие отплаты [14, с. 268-286], и подчёркивается коварная и обманная природа его музыки. Дзындзаласом в нартовском эпосе зовут и волшебного коня Уырызмага. Нарт Батрадз освободил его и дал возможность летать между солнцем и землёй [4, с. 157-158]. Стоит также отметить, что к хитроумному приёму с обмазыванием коня клеем прибегают и другие нартовские герои, например, Ацамаз, который тоже мстит за отца [9, с. 442; 13, с. 32]. Подобные сюжеты с защитой коня скреплённым клеем песком обычны в осетинских сказках и эпосе. Здесь, по предположению исследователей, отражён древний способ защиты коня кожаной попоной, распространённый среди кочевников: очевидно, кожаный панцирь усиливали слоем клееного песка. Этот чудесный клей сказок и эпоса, по-осетински *būgætæz* 'жёлтый клей', судя по цвету, варился из костей, а сам факт защиты коня доспехом свидетельствует об уровне развития военного дела [15, с. 177]. То, что богатырский конь владеет человеческой речью, тоже является очень архаичным эпическим мотивом, который присутствует не у всех народов степи [8, с. 139-146]. Крёстный брат Болгара Сайнаг-алдар в некоторых сказаниях может пониматься как великан-уаиг или властитель с демоническими чертами [12, с. 91].

А род Бората (*Boræatae*, *Boriatae*, *Voiriatae*, *Boradzawtæ*, *Boræǰæntæ*, а также *Burtæ* в парном сочетании *Burtæ æmæ Borætæ*), к которому принадлежит Бурафарныг, а следовательно, и Болгар, – состоятельные земледельцы и скотоводы, живущие в нижнем квартале нартовского селения, они «богаты скотом». Они отождествляются иногда с реальным родом Сидамонта, который исполнял те же функции в общественном строе осетин. В их саду растёт «нартовское дерево», а в их квартале может жить колдунья. Они принимают участие в убийстве Хамыца наряду с прочими. Но в одном из сказаний Батрадза, героического сына Хамыца, хоронят в склепе рода Бората [5, с. 10, 18, 21, 45, 48, 55, 77-79, 133, 135, 151, 223].

В национальных версиях нартовского эпоса упоминается только «старший нарт Борай», старый Бореж, (очевидно, калька осетинского *zaegond Borǰ* 'старый Бори'), герой Чопа сын Барата, или Чопа Борган, и «старый квартал Борей», что соответствует осетинскому *Boræty sux* 'квартал (рода) Бората' [5, с. 19-20, 48]. «Отличительное свойство Бората, их жизненный принцип – богатство. И только глава рода проявляет как-то свою личность... Бурафарныг действительно тип спесивого богача... Он знаменит своей роскошью» [6, с. 166]. Предполагают, что основа *bog-* в данном родовом названии является производной от древнеиранского **bau-* 'изобиловать, быть богатым' [17, с. 241]. Поскольку жёлтый цвет в осетинской идеологии связан с небесной благодатью – фарном, не исключено также, что в основе этого родового названия и имени Бурафарныга, с которым в нартовском эпосе связано представление о счастливом обладании множеством благ, в числе коих важнейшие — потомство, скот, плодородные угодья, лежит слово *bug/bog* 'жёлтый' [16, с. 76-77]. Род Бората характеризуется также как самый многочисленный среди нартов [5, с. 19]. Поэтому важно, что Болгар не чужой нартам, он один из них и пребывает с ними в кровном родстве.

Также отдельные исследователи [2, с. 259] с булгарами связывают упоминание в нартовском эпосе осетин о неких богатых стадами Балгайских степях, степях Балга (*Bælǰæ*) [9, с. 25-26; 11, с. 195-196; 3, с. 61, 63]. Всё это следует трактовать как указания, что этническая история приазовских и прочих булгар была связана с сарматами и аланами ещё на самом раннем этапе, что подтверждает и булгарский ономастикон, а также данные исторической этнографии. Учитывая многочисленные контакты предков осетин с огузами, стоит вспомнить, что и в средневековом огузском письменном эпосе «Книга моего деда Коркуда» упомянуты некие «муж-Балгар» Эмен-бек, а рядом другой витязь – «Дюгер, глава тысячи сородичей» [1, с. 13, 16, 19], чьё имя сопоставимо с карачаево-балкарским *dügerli* 'осетин', восходящим к самоназванию осетинского субэтноса дигорцев. Сведений о булгаро-аланском соседстве и взаимодействии на протяжении веков немало, и, как видно, в осетинском фольклоре сохранилось

восприятие болгар как своих, связанных узами родства. Нартовский эпос недвусмысленно зафиксировал эти родственные отношения между осетинами и булгарами, которые берут начало в глубокой древности.

Литература:

1. Алияров С.С. К ономастике «Книги Коркуда» // Исследования по исторической лексике азербайджанского языка. – Баку: АГУ им. С.М. Кирова, 1988. – С. 4-16.
2. Байрамуков У.З., Байрамуков М.У. Нартиада: Опыт сравнительного анализа. – Черкесск: РГБУ «Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство», 2012. – 516 с.
3. Гуриев Т.А. Антропонимия осетинского нартовского эпоса: (Учебное пособие). – Орджоникидзе: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 1981. – 80 с.
4. Джыккайтты Шамил. Бæх: Миф – истори – кадæг // Мах дуг. – Дзæуджыхъæу, 2007. – № 1. – С. 151-171.
5. Дзиццойты Ю.А. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартовском эпосе. – Владикавказ: Алания, 1992. – 280 с.
6. Дюмезиль Жорж. Осетинский эпос и мифология. – Москва: Наука, 1976. – 273 с.
7. Кузнецов В.А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. – Орджоникидзе: Ир, 1980. – 136 с.
8. Липец Р.С. Образ батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – Москва: Наука, 1984. – 264 с.
9. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ дзырдурат сарæзта Хæмыцаты Тамарæ; зонадон редактор Джыккайтты Шамил. — Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфон куыстуат, 2007. – Цыппæрæм чиныг. – 548 ф.
10. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ дзырдурат сарæзта Хæмыцаты Тамарæ; зонадон редактор Джыккайтты Шамил. — Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфон куыстуат, 2010. – Фæндзæм чиныг. – 766 ф.
11. Нарты. Осетинский героический эпос / Составители Т.А. Хамицаева и А.Х. Бязыров. – Москва: Наука, 1989. – Книга 2. – 494 с.
12. Плаева З.К. Уаиги – враги Ацамаза: от хтонической архаики до борьбы с феодалами // Известия СОИГСИ. – Владикавказ, 2015. – Вып. 18 (57). – С. 87-95.
13. Плаева З.К. Цикл Ацамаза в осетинском нартовском эпосе (в сопоставлении с другими национальными версиями «Нартиады») // IV Миллеровские чтения с международным участием (Материалы научной конференции 11-12 ноября 2014 г.): сборник статей. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – С. 28-35.
14. Рахно К.Ю. Арфа Сырдона: западноевропейские параллели // Коста и мировой историко-культурный процесс. Сборник материалов Международной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – С. 268-292.
15. Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин: (Традиции кочевничества и оседлости в социальной культуре осетин). – Цхинвали: Ирыстон, 1985. – 290 с.
16. Чочиев А.Р., Кочиев К.К. Об одном воплощении фарна в идеологии осетин // Кавказ и цивилизации Древнего Востока: (материалы всесоюзной научной конференции). – Орджоникидзе: Ир, 1989. – С. 75-77.
17. Bailey H.W. Ossetic (Nartä) // Traditions of Heroic and Epic Poetry. – London: W.S. Manley & Son Limited, 1980. – Volume 2. – P. 236-267.